

ДОКОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ: «КООПЕРИРОВАТЬСЯ? НО ПО БУКВЕ СОВЕТСКОЙ ЗАКОННОСТИ...»

С.Ф. Гребениченко

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

И.И. Широкоград

Государственный университет по землеустройству
ул. Казакова, 15, Москва, Россия, 105064

Статья посвящена борьбе ведомств в процессе законодательства об объединениях простых производителей в доколхозный период. Благодаря отложившимся в архивах фондам высших органов власти установлено, что существовала практика глубокой проработки законопроектов. Новые советские условия генерировали новые противоречия, те обуславливали различные интересы хозяйственно-политических групп. Разница интересов выливалась в борьбу за букву иницируемых нормативных актов.

Разработка и принятие большей части нормативных актов в 1920-е гг. не были поспешными акциями. Законодательский процесс тех лет в целом не может характеризоваться как формальный, документы не рождались, так сказать, с кондачка, а подразумевали глубокую проработку поднимаемых в них вопросов. Существовала практика кропотливой работы над проектами иницируемых актов, тщательных, многоуровневых и межведомственных согласований, учета зачастую противоречивых интересов ведомств.

Благодаря отложившимся в архивах фондам высших советских органов, наркоматов и ведомств мы знаем десятки и десятки случаев основательной и долговременной проработки готовившихся законопроектов. Достаточно сказать, что, например, процесс узаконения отраслевых норм числа наемных рабочих в сельских кустарно-промысловых предприятиях, открытие которых подпадало под явочную регистрацию согласно ст. 54 Гражданского кодекса РСФСР, растянулось почти на 5 лет — с июля 1921 г. по декабрь 1926 г. (1). В целом бросается в глаза та борьба, которая велась в подготовительный период за характер и смысл каждого конкретного документа. В этой связи весьма показательна судьба (вроде бы далекого от хитросплетений политической жизни) Постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 02.03.1928 «Об обществах кустарей и ремесленников», в качестве проекта разрабатывавшегося почти 3 года, на разных стадиях готовности согласовывавшегося десятком ведомств и утвержденного Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) лишь 18 июня 1928 г.

Правление Всероссийского союза промышленной кооперации (Всекопромсоюза) 8 октября 1925 г. направило Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) РСФСР письмо, в котором отмечало, что сталкивается с повсеместной практикой «дикого» объединения ремесленников и кустарей в *особые* общества, ставящие целями: улучшение личного положения членов обществ; развитие

института ученичества; совершенствование технических условий промышленной деятельности; оказание своим членам правовой и медицинской помощи; проведение культурно-просветительской работы; содействие организации простейших кооперативных товариществ промысловиков (2).

Ясно, что такие «дикие» объединения сельских кустарей и ремесленников — по сути, прообразы вольных профессиональных союзов местного значения — находились вне поля влияния централизованной системы промкооперации и ее высшего органа — Всекопромсоюза. Последний не мог и не желал мириться с такой ситуацией. Стремясь распространить свое организационное влияние на иницилируемый «снизу» процесс создания и деятельности обществ ремесленников и кустарей, Всекопромсоюз разрабатывает для них проект типового Устава (3).

В Центральном административном управлении и Коллегии НКВД, детально изучив проект Устава, сразу же смекнули, что это — устав, по сути, отраслевого профсоюзного объединения, и Всекопромсоюз стремится серьезно усилить свое влияние на селе за счет «подмятия» под себя несвойственных ему функций координатора и руководителя нового профессионального направления деятельности. В результате, понятно, Всекопромсоюз, по идее, обделил бы местные органы НКВД наделением тех административными и надзорными полномочиями и — сообразно с этим — дополнительным финансированием. НКВД не желал принять такую перспективу: раз создаете под себя устав, по сути, профсоюзных объединений, получите результат — типовой устав и обращение Всекопромсоюза к НКВД препровождаются 29 октября 1925 г. в Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) с недвусмысленной просьбой сообщить «о допустимости и целесообразности» (для ВЦСПС легализации обществ кустарей и ремесленников как новых профсоюзных организаций на селе, независимых от центральной профсоюзной инстанции) (4).

В свою очередь, ВЦСПС в своем письме от 08.10.1925 в НКВД сообщил, что он однозначно «высказывается против воскрешения старых (дореволюционных) форм организации ремесленников-кустарей в виде ремесленных обществ, полагая, что промысловая кооперация дает достаточно возможностей кустарям-ремесленникам разрешать задачи, которые по проекту Устава ставят себе ремесленные общества» (5).

НКВД 6 января 1926 г. передал оба документа — проект Устава, подготовленный Всекопромсоюзом, и письмо, содержащее мнение ВЦСПС по этому поводу, — в Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР. Президиум ВСНХ РСФСР в своем ответном письме в НКВД от 02.02.1925 высказался «за» инициативу Всекопромсоюза, но с существенной оговоркой: «целесообразность возникновения означенных обществ должна ставиться в зависимость от местных условий... ВСНХ полагал бы целесообразным, чтобы органы НКВД при вопросе *разрешения* организации обществ запрашивали мнение местных органов ВСНХ РСФСР, в круг ведения коих входит также регулирование кустарной промышленности и промысловой и трудовой кооперации» (6). Как видим, ВСНХ РСФСР решил поддержать притязательные (по отношению к простым промысловикам) амбиции Всекопромсоюза. Однако при этом он явно ущемлял

интересы ВЦСПС, но стремился «не обидеть» ни себя в лице губсовнархозов, ни НКВД — его местные органы могли бы наделяться правом разрешительной регистрации обществ кустарей и ремесленников.

Желая укрепить свои позиции, ВСНХ РСФСР, жаждущий «непосредственной подчиненности пока диких обществ кустарей и ремесленников в смысле влияния и надзора за ними», проводит всесторонние согласования вопроса с ВСНХ СССР. В результате последний просит НКВД «ускорить рассмотрение и утверждение нормального Устава обществ кустарей и ремесленников» (7). И в мае 1926 г. проект Постановления «Об обществах (кооперативах) кустарей и ремесленников» выносится на утверждение ВЦИК и СНК РСФСР (8).

На тот период уже существуют обиженная сторона — ВЦСПС — и ведомство, не вполне удовлетворенное возможными крайне узкими прерогативами, — НКВД. Запускаются сложные «подковерные» механизмы торможения законопроекта. Так, НКВД и ВЦСПС затягивают отправку в СНК РСФСР своих заключений по проекту постановления. А Наркомат кустарей РСФСР при скрытом давлении НКВД присылает в СНК РСФСР 5 мая 1926 г. вовсе отрицательное заключение: постановление-де не нужно. Фактически Наркомюст выступил против усиления влияния ВСНХ в аграрно-промышленной сфере (9). Вслед за главным «законником» — Наркомюстом — и НКВД осмелился высказаться «против» проекта постановления. При этом НКВД почему-то апеллировал к работе ведущейся в Государственном плановом комитете (Госплане), из которой якобы следовала необходимость превращения данного проекта в составные части других проектов: с одной стороны, Закона «О городских обществах взаимопомощи» (10) и, с другой стороны — разрабатываемого ВСНХ РСФСР Постановления «О кассах взаимопомощи, учреждаемых кустарями и ремесленниками, и их объединениями» (11). Короче говоря, НКВД занял полностью деструктивную позицию.

Дело явно затягивалось. Тогда малый Совнарком был вынужден рассмотреть создавшуюся ситуацию противостояния ведомств по поводу готовящегося постановления на своем специальном заседании 23 июля 1926 г. Заседание проходило за закрытыми дверями, т.е. без приглашения представителей наркоматов, заинтересованных в том или ином разрешении возникшего спора. Малый СНК, взвесив все «за» и «против», пришел к заключению о нецелесообразности издания постановления «Об обществах кустарей и ремесленников» (12).

Между тем в октябре 1926 — январе 1927 г. на всех заседаниях Культурно-просветительской секции Госплана РСФСР поднимался и рассматривался вопрос о возможности организации обществ помощи и взаимопомощи кустарей и ремесленников не только в городах, но и в сельских местностях (в рамках закона «О городских обществах взаимопомощи», о котором речь шла выше, разумеется, этот закон должен был претерпеть изменения как в своем названии, так и в содержательной части). В такой связи Госплан предполагал привлечь ВСНХ (надо сказать, сильно «обиженный» отказом ему в издании постановления «Об обществах кустарей и ремесленников») и его органы «в образование обществ помощи и взаимопомощи кустарей и ремесленников, когда в них принимают участие члены промысловой кооперации» (13).

НКВД в такой связи решил потрафить ВСНХ и выступил «против» проекта Госплана: последний охватывал-де лишь «кустарей и ремесленников, состоящих членами законно-действующих объединений и коллективов, которые не попадали под действие законов о государственном обеспечении, социальном страховании и крестьянской взаимопомощи» (14). Играя на этом, ВСНХ тут же инициировал в пику законопроекту Госплана, касающегося касс взаимопомощи и помощи, проекты постановлений «О кассах взаимопомощи, учреждаемых кустарями и ремесленниками и их объединениями» и «Об обществах помощи и взаимопомощи лиц самостоятельного труда и кассах взаимного страхования промысловых кооперативных организаций, трудовых артелей и их членов» (15). Очевидно, что указанный проект второго постановления, предлагавшегося ВСНХ, по сути, подменял законопроект Госплана.

Правовая подсекция Культурно-социальной секции Госплана РСФСР на расширенном заседании в Госплане 22 февраля 1927 г. подвела дело к тому, что на обсуждение были вынесены проекты Закона «О городских обществах взаимопомощи», внесенного Госпланом (изначально разработавшегося Народным комиссариатом социального обеспечения (НКСО) и Постановления «О кассах взаимопомощи, учреждаемых кустарями и ремесленниками и их объединениями», инициированного ВСНХ (16). Президиум Госплана «слил» эти два документа воедино и утвердил их 20 апреля 1927 г. как совмещенный проект уже, правда, не как закона или постановления, но как Положения «Об обществах (кассах) взаимопомощи лиц самостоятельного труда и кассах взаимопомощи промысловой кооперации» (17). Руководство СНК РСФСР 22 июня 1927 г. закрепило своими подписями проект этого Положения (18). Однако предстояло еще утверждение его ВЦИКом. Вопрос затягивался. Была создана специальная межведомственная комиссия. В результате ее деятельности проект представлялся ВЦИКУ дважды и был окончательно им утвержден лишь (!) 1 февраля 1929 г., причем уже как не Положение, а Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О кассах взаимопомощи промысловой кооперации» (19). По Постановлению, членами касс могли быть не только члены промысловых кооперативов, но и кустари-одиночки. Интересно то, что под взаимопомощью законодателем понималось исключительно взаимное страхование (20).

Больше чем год (после упоминавшегося специального заседания малого Совнаркома 23 июля 1926 г.) ВСНХ РСФСР воздействовал в нужном ему направлении на СНК РСФСР, после чего 22 августа 1927 г. последний вновь препровождает проект обновленного, но уже, казалось бы, забытого Постановления «Об обществах кустарей и ремесленников» на заключение НКВД. На этот раз ВСНХ РСФСР делал свой упор в обращении (через СНК) к НКВД на мотивационно-целевой части проекта: потенциал документа в том, что его принятие будет как нельзя лучше содействовать техническому усовершенствованию и развитию кустарной промышленности (21).

НКВД РСФСР вновь начал затягивать вопрос, «при этом полнейшим образом впадать в пустую казуистику». Давали себя знать особо свойственные НКВД ведомственные амбиции. Помимо этого, тот все время задавался вполне

закономерными вопросами: «кем все же будут на местах утверждаться уставы обществ кустарей и ремесленников?», «кем и в каком порядке будут общества закрываться?», «будут ли эти общества юридическими лицами (со всеми вытекающими последствиями)?», «кто будет на местах осуществлять за этими обществами надзор?» и т.д. и т.п. (22).

В таких обстоятельствах СНК РСФСР 30 августа 1927 г. был вынужден инициировать создание Комиссии по проекту Постановления «Об обществах кустарей и ремесленников». В комиссию вошли представители Наркомата труда, Центрального кооперативного совета, Наркомата социального обеспечения, Наркомата внутренних дел, Наркомата финансов, ВСНХ. По регламенту Комиссия могла приглашать на заседания представителей других заинтересованных ведомств. Комиссию возглавил член малого СНК Г. Саморуков (23).

Однако по прошествии одной лишь недели — 8 сентября 1927 г. — комиссия высказалась «против» проекта постановления, причем упор делался на то, что «много воды утекло» с тех пор, как Всекопромсоюз внес проект, функции обществ кустарей и ремесленников уже успешно выполняют общие и кооперативные кассы взаимопомощи, кредитная кооперация якобы вполне может взять на себя и культпросветработу среди промысловиков. Буквально через три дня СНК РСФСР на своем заседании также высказался «против» издания постановления «Об обществах кустарей и ремесленников» (24).

Но на этом эпопея с разработкой и лоббированием постановления не заканчивается. В дело вмешивается новое ведомство — Комзет. Последнее, иногда в историографии именуемое как Комитет по землеустройству трудящихся, на самом деле называлось Комиссия по землеустройству трудящихся евреев. При непосредственном давлении ВСНХ («существует ведь еще одно ведомство», мнение которого, увы, пока еще не учитывалось — Комзет) 2 января 1928 г. вновь заседают «комиссия Саморукова». И хотя представитель Комзета Мережин (25) начал было приводить новые доводы в пользу «злосчастливого» проекта, дальнейшие обсуждения последнего опять-таки были признаны нецелесообразными (26).

После различного рода превентивных мер в виде неформальных согласований в течение целого месяца, предпринятых Комзетом и ВСНХ, на очередном своем заседании «комиссия Саморукова» высказывается единогласно «за» (!) «постановление ВЦИК и СНК РСФСР в улучшенной редакции». Суть этой редакции сводилась к тому, что под Постановление могли подпадать только те промысловики, которые не состоят членами промкооперативных организаций (чего и хотели Всекопромсоюз и Центральный Кооперативный Совет, поскольку в противном случае начался бы отток членов из производственных артелей в простые по форме общества кустарей и ремесленников), и только там, где объединяются не менее 25 гнездно проживающих промысловиков-одиночек (чего как раз и желал Комзет, так как в иной ситуации боялся перехода отчасти промыслово занятых земледельцев исключительно к промысловым занятиям) (27).

Даже НКВД (после согласовательных мер Комзета) 20 февраля 1928 г. «дает добро» законопроекту: одержали все-таки верх ВСНХ и Наркомат Социаль-

ного Обеспечения, но пусть уж их местные органы и осуществляют «архисложный» надзор за этими обществами кустарей и ремесленников, «местные органы НКВД этого делать не будут» (28).

Надо заметить, что одобренная «комиссией Саморукова» редакция проекта Постановления кардинально отличалась от изначальной его сути. Постановление в изменившихся условиях должно было «содействовать улучшению условий личной жизни и развитию культурного уровня членов объединений, распространению технических знаний, содействующих развитию кустарных промыслов». В новой редакции для участия в обществах кустарей и ремесленников обязательно нужно было наличие избирательного права. Помимо этого, не могли быть членами обществ не только труженики и производственной кооперации, но даже участники тех или иных касс взаимопомощи на селе. Было учтено и особое мнение Всекопромсоюза: «общества кустарей и ремесленников не могут заниматься хозяйственной деятельностью по обслуживанию своих членов путем снабжения их сырьем, полуфабрикатами, орудиями производства, путем сбыта их изделий, организации производства и прочее». Ревизию и контроль за обществами кустарей и ремесленников, предполагалось, должны были осуществлять местные союзы промысловых операций (29).

Наконец-то 2 марта 1928 г. Постановление принимается СНК РСФСР. Контроль и ревизия обществ кустарей и ремесленников возлагаются на ВСНХ РСФСР и его территориальные органы — губернские советы народного хозяйства (губсовнархозы). Надо понимать, что ВСНХ в целом победил в продолжительном противостоянии ведомств по принятию той или иной редакции постановления. Показательна новая формулировка целей обществ кустарей и ремесленников, которую с выгодой для себя отстоял ВСНХ, — «содействие техническому усовершенствованию и развитию кустарного промысла членов, входящих в общества кустарей и ремесленников, а также улучшение условий личной жизни и поднятия культурного уровня членов». В принятом варианте Постановления были учтены ранее отсутствовавшие в тексте проекта: «формирование собственных капиталов» (!) обществ кустарей и ремесленников, порядок их регистрации, меры улучшения труда членов обществ, «взаимопомощь на случай инвалидности и безработицы», концепция повышения качества производимых изделий (30).

Однако борьба ведомств по поводу Постановления «Об обществах кустарей и ремесленников» в период после его принятия СНК РСФСР не только не прекратилась, но и даже усилилась.

Так, Инспекция промышленности и труда Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) РСФСР подготовила критическую объяснительную записку в коллегию НКВД РСФСР по результатам срочного обследования обществ (союзов) кустарей-одиночек. Само обследование, надо сказать, было оперативно инициировано специальным постановлением Экономического Совещания (ЭКОСО) РСФСР от 5 апреля 1928 г., т.е. именно в тот момент, когда окончательный текст Постановления «Об обществах кустарей и ремесленников», подготовленный в СНК РСФСР, не был еще утвержден ВЦИК и, стало быть, не вступил в законную силу (31). Сама итоговая записка, как явствует из ее кон-

концепции и содержания, должна была воспрепятствовать одобрению ВЦИКом наличествовавшего на то время текста Постановления СНК РСФСР «Об обществах кустарей и ремесленников».

Наркомат РКИ рапортовал Наркомату внутренних дел, что по результатам обследования «доподлинно установлено: формы организации обществ (союзов) кустарей и ремесленников имеют исключительно узко-местный характер и лишь частично охватывают уезды» (32). Между тем на самом-то деле обследование охватило только четыре губернии Европейской части РСФСР и Урал, о чем, разумеется, в записке умалчивалось.

Далее, Наркомат РКИ указывал, что якобы «общества, возникшие после 1922 г., до сих пор не регулировались ни ВСНХ, ни Всесоюзным союзом, лишь учитывались местными органами внутренних дел»; задачи же решали в основном по правовой *защите* своих членов (т.е. являлись и являются неадекватно законодательству профсоюзной организацией), причем защита эта сводилась к вопросам: «обложения подоходным налогом, отстаивания интересов в судах, возбуждения ходатайств перед финансовыми органами и различными учреждениями по снижению налогов и сборов; и проч.» (33).

Записка пестрела сплошными недостатками самого факта существования обществ и союзов кустарей и ремесленников:

— союзы вмешиваются в деятельность местных финорганов — «в отдельных Союзах (Нижегородский и Псковский) практикуется посылка своих представителей в налоговые комиссии»;

— «кооперированию кустарей в целях улучшения их экономического положения путем организации артелей и товариществ Союзами уделяется крайне недостаточное внимание»;

— «если артели и образуются, то по инициативе лишь отдельных членов Союза, но не Союза как такового», иными словами, если артели и образуются, то не союзного, а «дикого» типа;

— «недостаточность, а то и полное отсутствие мероприятий со стороны Союзов в деле технического усовершенствования кустарных производств, развития и регулирования ученичества среди кустарей»;

— «работа в области производственно-сбытовых операций в обследованных обществах не ведется вовсе»;

— «в отдельных случаях (Брянский, Нижегородский, Верхне-Волоцкий и Клинецовский Союзы) установлено наличие бывших торговцев и лиц, эксплуатирующих чужой труд; для того, чтобы стать кустарями, этим лицам достаточно было заняться любым промыслом и уплатить в общество кустарей стоящий несколько рублей членский взнос»;

— «в Верхне-Волоцком Союзе установлено нахождение в числе членов лиц, лишенных избирательных прав»;

— «руководящий выборный персонал по преимуществу состоит из зажиточных элементов, мало того, в основном выборные органы — беспартийные»;

— «изолированность обществ кустарей, замкнутость их работы и полное отсутствие влияния на них со стороны соответствующих органов, имеющих то или иное отношение к кустарной промышленности» (34).

Такого характера объяснительная записка Наркомата РКИ, надо сказать, полная деструкции, была «любезно» препровождена НКВД в СНК РСФСР.

По поводу Постановления спохватились и в Всекопромсоюзе, правда, по другой причине, — в СНК РСФСР направляют официальный протест на текст Постановления. Мотивировка протеста была недвусмысленна: поскольку «достаточно 25 человек, чтобы создать общество и при этих условиях в виду того, что значительная часть крестьянского населения занимается тем или иным кустарным промыслом, такие общества могут создаваться в любом селе, в результате массовой организации обществ в сельских местностях может получиться картина создания особых крестьянских союзов, что едва ли представляется целесообразным. Общества кустарей и ремесленников — сельских хозяев тем более не нужны, так как хозяйственной формой объединения кустарей и ремесленников являются промысловые и промыслово-кредитные товарищества, а функции взаимопомощи осуществляются кассами взаимопомощи промысловой кооперации и комитетами крестьянской взаимопомощи» (35). Протест Всекопромсоюза опять-таки поддержал и НКВД РСФСР (36).

В дело — в этот раз на стороне СНК РСФСР — вновь со своими «пробивными» способностями «вступает» Комиссия по землеустройству трудящихся евреев (Комзет) РСФСР. По ее просьбе Президиум ВЦИК на своем заседании 18 июня 1928 г., несмотря на протест НКВД, окончательно утверждает Постановление СНК РСФСР. Мало того, в текст Постановления вносится поправка отнюдь не Всекопромсоюза, а Комзета, смысл которой состоял в том, что членами обществ кустарей и ремесленников могут быть также и члены промысловых и промыслово-кредитных кооперативов.

В своем обосновании перед Президиумом ВЦИК Комзет указывал, что «первая статья Постановления ограничивает права лиц, состоящих членами промысловых и промыслово-кредитных организаций, поскольку запрещает тем вступать в состав обществ. С этим ограничением Комзет не считает возможным согласиться. Среди этих оснований наиболее существенными являются: отсутствие такого ограничения в прошлом, неизбежный выход из состава существующих обществ (37) лиц, уже состоящих членами промыслово-кредитных организаций, повлечет за собой распад этих обществ и прекращение влияния кооперированных кустарей на некооперированных» (38).

На основе Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об обществах кустарей и ремесленников» в течение короткого времени были разработаны документы по его непосредственной реализации: Инструкция ВСНХ РСФСР «О порядке разрешения обществ кустарей и ремесленников и о регистрации их уставов» (39), Нормальный Устав общества кустарей и ремесленников (40), Инструкция «О порядке перерегистрации обществ кустарей и ремесленников, организованных на основании Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 3/VIII-22 г.» (41).

Теперь противостояние интересов ведомств и их борьба за «законотворческую букву» перешла в плоскость скрупулезного анализа новых нормативных актов, так сказать, опредмечивающих утвержденное ВЦИКом Постановление.

Прежде всего возникла ось противостояния Наркомата социального обеспечения и НКВД по проекту «Нормального Устава общества кустарей и ремесленников».

Народный комиссар внутренних дел 11 декабря 1928 г. направил открытое письмо в Совнарком, в котором выразил несогласие с «предлагаемым Наркоматом социального обеспечения дополнением Нормального Устава о том, что члены обществ кустарей и ремесленников могут вступать и в члены обществ (касс) взаимопомощи лиц самостоятельного труда». По его мнению, члены обществ кустарей должны вступать лишь в кассы взаимопомощи промысловой кооперации, такое обстоятельство со временем подталкивало бы одиночек, финансово включенных в орбиту влияния именно системы промкооперации, к производственному кооперированию (42).

Также НКВД выступил категорически против предложения Наркомата социального обеспечения об исключении из проекта Постановления пункта, по которому «оставшееся от ликвидации общества кустарей и ремесленников имущество передается местному промысловому кооперативному союзу». Вместо этого пункта НКСО предлагал ввести в текст Устава абзац, по которому имущество ликвидируемой организации передавалось бы аналогичному — действующему в этом же районе — обществу кустарей-одиночек (43).

Другая ось противоборства возникла между тем же НКВД и ВСНХ по поводу Инструкции «О порядке перерегистрации обществ кустарей и ремесленников, организованных на основании Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 3 VIII-22 г.». НКВД в части проекта этой инструкции боялся усиления позиций местных органов ВСНХ, поэтому настаивал на следующем: если местные комиссии по перерегистрации обществ (в составе, как предполагалось в инструкции, представителей 4-х сторон — ВСНХ, Всекопромсоюза, НКСО и НКВД) разделялись в своем мнении на 1 и 2, то спорный вопрос должен обязательно решаться в президиуме исполкома, при котором сформирована данная комиссия (там сильно влияние местных органов внутренних дел), но не повторно на той же комиссии, о чем настаивал в проекте инструкции ВСНХ (44).

Точку в этом вопросе поставил СНК РСФСР на своем заседании 18 декабря 1928 г.: «Предложить ВСНХ переадресовать п. 5 Инструкции в том смысле, чтобы при равенстве голосов голос Председателя не давал перевеса, а вопрос переносился бы на решение Президиума соответствующего Исполкома» (45). Кажется бы, ВСНХ в этом вопросе проиграл, однако ему со стороны СНК РСФСР была дана уступка, и он выиграл в другом вопросе — по проекту «Нормального Устава общества кустарей и ремесленников» — дело в том, что поправки НКСО и НКВД к выработанной ВСНХ редакции устава были полностью отклонены СНК РСФСР (46).

В целом, борьба ведомств за то или иное итоговое содержание трех нормативных актов, детализирующих и опредмечивающих утвержденное ВЦИКом Постановление «Об обществах кустарей и ремесленников» растянулось до самого конца декабря 1928 г. (47), т.е. до того момента, когда они наконец-то вступили в законную силу.

Обращение к архивным материалам, как видим, показывает, что в подавляющем числе случаев появление на свет того или иного законодательного документа в 1920-е гг. являлось целой эпопеей. И дело не только в том, что такой нормотворческий стиль законодателя перекочевал из бюрократизированного «царского вчера». Сами новые — советские — условия жизни социума генерировали новые противоречия, те, в свою очередь, обуславливали различные интересы групп власть предрежащих — наркоматов, комитетов, да и надо признать, хозяйственно-политических группировок. Разница же властных интересов выливалась в борьбу, так сказать, за дух и каждую букву день ото дня иницилируемых нормативных актов социально-экономического развития. Эта борьба как раз и являлась, в известном смысле, гарантом основательности, пусть при этом и скрытой политизированности законотворческого процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 7819. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 82.
- (2) ГАРФ. — Ф.Р.-393. — Оп. 81. — Д. 93. — Л. 1.
- (3) Там же. — Л. 3—11.
- (4) Там же. — Л. 13.
- (5) Там же. — Л. 14.
- (6) Там же. — Л. 16.
- (7) Там же. — Л. 17, 18, 51.
- (8) Там же. — Л. 50.
- (9) Там же. — Л. 55, 56.
- (10) Проект этого документа в Госплан был внесен Наркоматом Социального Обеспечения. — ГАРФ. — Ф.Р.-393. — Оп. 81. — Д. 94. — Л. —5 об.
- (11) Там же. — Д. 94. — Л. 25, 26, 57.
- (12) Там же. — Л. 59. Заметим, что в названии постановления после слов «Об обществах» слово «крестьян» с мая к июлю 1926 г. благополучно исчезает.
- (13) ГАРФ. — Ф.Р.-393. — Оп. 81. — Д. 94. — Л. —7.
- (14) Там же. — Л. 13.
- (15) Там же. — Л. 17.
- (16) Там же. — Л. 29.
- (17) Там же. — Л. 37.
- (18) Там же. — Л. 38.
- (19) Там же. — Л. 70.
- (20) Там же. — Л. 77.
- (21) ГАРФ. — Ф.Р.-393. — Оп. 81. — Д. 93. — Л. 60, 61.
- (22) Там же. — Л. 65.
- (23) Там же. — Л. 66.
- (24) Там же. — Л. 67, 68.
- (25) На заседаниях «комиссии Саморукова» интересы Комзета попеременно представляли товарищи Мережин и Теумин (См.: Там же. — Л. 71, 74, 80).
- (26) Там же. — Л. 71.
- (27) Там же. — Л. 74.
- (28) Там же. — Л. 78, 91.
- (29) Там же. — Л. 79, 80.
- (30) Там же. — Л. 81, 83.
- (31) Там же. — Л. 117.

- (32) Там же. — Л. 118.
(33) Там же. — Л. 118.
(34) Там же. — Л. 118—121, 124—126. Надо заметить, что деструктивно к обществам кустарей и ремесленников относились не только в НК РКИ. Так, во многих регионах страны местные органы власти попросту считали общества кустарей и ремесленников скрытыми объединениями частных торговцев. — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). — Ф. Р.-37. — Оп. 1. — Д. 443. — Л. 30.
(35) ГАРФ. — Ф.Р.-393. — Оп. 81. — Д. 93. — Л. 84.
(36) Там же. — Л. 88. 88 об.
(37) Имелись в виду «дикие» общества кустарей, возникшие в порядке Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 03.08.1922 «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли» (Собр. Узак. — 1922. — № 49. — Ст. 622).
(38) ГАРФ. — Ф.Р.-393. — Оп. 81. — Д. 93. — Л. 89, 90.
(39) Там же. — Л. 97—102.
(40) Там же. — Л. 103—110.
(41) Там же. — Л. 111—112.
(42) Там же. — Л. 130.
(43) Там же.
(44) Там же. — Л. 130 об.
(45) Там же. — Л. 170.
(46) Там же. — Л. 170.
(47) Там же. — Л. 134—154.

**BEFORE-KOLKHOZ VILLAGE:
«CO-OPERATE? BUT ACCORDING
TO THE LETTER OF THE SOVIET LAW...»**

S.F. Grebenichenko

Department of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
Mikhlukho-Maklay Str., 10/1, Moscow, Russia, 117198

I.I. Shirokorad

Land Tenure State University
Kazakov Str., 15, Moscow, Russia, 105064

The article is devoted to the struggle of departments during the legislative process on the topic of an integration of producers in the before-kolkhoz period. Due to the available archival files of superior bodies of power it was determined that a careful developmental workout of drafts was practiced. New soviet conditions led to contradictions, which caused different interests in existing economic-political groups. Difference interests were the reason of fight for the normative acts' letter.